

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

В НОЧЬ

БОЛЬШОГО

ПРИЛИВА

Великий Кристалл

Владислав Крапивин

В ночь большого прилива

«Автор»

1969-1977

Крапивин В. П.

В ночь большого прилива / В. П. Крапивин — «Автор»,
1969-1977 — (Великий Кристалл)

ISBN 5-17-026005-9

Владислав Крапивин – известный писатель, автор замечательных книг «Оруженосец Кашка», «Мальчик со шпагой», «Мушкетер и фея» и многих других. Эта книга о путешествии в детство и одновременно в другой мир, об удивительных приключениях и настоящей мальчишеской дружбе.

ISBN 5-17-026005-9

© Крапивин В. П., 1969-1977

© Автор, 1969-1977

Содержание

ДАЛЕКИЕ ГОРНИСТЫ	5
В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА	17
1	17
2	18
3	21
4	23
5	25
6	28
7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владислав Крапивин

В ночь большого прилива

ДАЛЕКИЕ ГОРНИСТЫ

Это просто сон. Я расскажу его точно, как видел.

Ни до этого раза, ни потом не снились мне такие подробные и яркие сны. Все помню так отчетливо. Помню, как трогал старые перила в лунном доме и рука ощущала теплое дерево: волнистые прожилки и крепкие затылочки сучков, отшлифованных многими ладонями. Помню, как пружинили доски деревянного тротуара, когда на них качался Братик. Помню, какой большой и выпуклой была тогда луна...

Я видел, что мне одиннадцать лет и я приехал на каникулы к дяде в Северо-Подольск. Не знаю, есть ли на свете такой город. Если и есть, то не тот и не такой. А дядя и правду есть, но живет он в Тюмени. Впрочем, это неважно, в рассказе он все равно не участвует.

Сон мой начинался так: будто я проснулся в дядином доме, в пустой деревянной комнате, звонкой, как внутренность гитары. И понял, что пришло хорошее утро.

Утро и в самом деле было славное. Весело ссорились воробьи, и чириканье их громко отдавалось в комнате.

Часто вскрикивали автомобили. В большом городе такого не услышишь.

Я и раньше знал, что дядин дом стоит у крепостного холма, но не думал, что так близко. Окно смотрело прямо в заросший откос. Он был щедро усыпан цветами одуванчиков. Неба я не видел, но одуванчики горели так ярко, что было ясно: солнце светит вовсю.

Я машинально потянулся за одеждой. На спинке скрипучего стула оказались старенькие синие шорты и клетчатая рубашка. Я таких у себя не помнил, но было все равно. Оделся. Заметил, что рубашка чуть маловата и одна пуговица болтается на длинной нитке.

Потом я распахнул окно. Зеленый с желтой россыпью откос как бы качнулся мне навстречу. Я встал на подоконник и прыгнул в утро, полное травы и солнца.

Я стал подниматься по холму к развалинам белых башен. Солнце сразу взялось за меня. Даже сквозь рубашку я чувствовал его горячие ладони. Старенькие кеды скользили по траве, и я немного устал. Вытянул руки и лег лицом в желтые одуванчики. Они были мягкие и пушистые. Вы замечали, что у них даже запах какой-то пушистый? Запах летнего утра. Пахло еще травой и землей, но этот пушистый запах был сильнее.

Лежал я недолго. Солнце слишком припекало спину, я вскочил и одним броском добрался до остатков крепости.

Только снизу они казались белыми. Здесь камень был светло-серый, с рыжими подпалинами какого-то лишайника.

Стены почти все были разрушены. Уцелевшими выглядели только две остроконечные шатровые башни. Совсем такие, как рисуют в книжках с русскими сказками. А еще на холме был высокий собор с заколоченным крест-накрест входом, полуразрушенная часовенка и низкий каменный дом. Тоже пустой. И тихо-тихо. Ни кузнечиков, ни воробьев. Я оглянулся на город. Увидел коричневое железо крыш, темную зелень тополей, электричку, бегущую по желтой насыпи, два подъемных крана... Там все было так, как нужно. А здесь было не так. Я оказался как бы на острове.

У разрушенной стены валялась чугунная пушка с выпуклым двуглавым орлом на черной спине. Чугун был теплый и шероховатый, весь в оспинках. Я поглядел на уснувшую пушку, перелез через камни и вошел в густую траву. Хорошо помню это ласковое ощущение детства: идешь по высокой траве, раздвигаешь ее коленками, и метелки травы мягко щекочут кожу.

Мне хотелось найти старинную монету или обломок меча, но кругом были трава и камни. Тогда я пошел к башне. Низко, за травой, темнел полукруглый вход.

Я сделал несколько шагов – пять или шесть – и ничего не случилось, но, как мягкий толчок, меня остановило предчувствие тайны. Тайны или приключения. Так бывает и во сне, и наяву: возникает ожидание чего-то необычного. Во сне это чувствуешь резче.

Я остановился и стал ждать. И тут появились эти двое.

Впрочем, не было в них ничего странного. Просто двое мальчишек. Пригнувшись, они вынырнули из похожего на туннель входа и пошли мне навстречу.

Одному было лет одиннадцать, как мне, другому поменьше – наверное, лет восемь.

Старшего я не сумею описать точно. Знаю только, что он был темноглазый, тонкоплечий, с темной, косо срезанной челкой. Черты лица почти забылись, но выражение, сосредоточенное и сдержанно-грустное, я помню очень хорошо. И запомнилась еще такая мелочь: пуговицы на темной его рубашке шли наискосок, словно через плечо была переброшена тонкая блестящая цепочка.

Потом, когда мы узнали друг друга, я называл его по имени. Имя было короткое и звучное. Я забыл его и не могу придумать теперь ничего похожего. Я буду называть его Валеркой: он похож на одного знакомого Валерку. Но это потом. А сначала он был для меня просто Мальчик, немного непонятный и печальный.

Младшего я помню лучше. Это странно, потому что он был все время как-то позади, за старшим братом. И не о нем, в общем-то, главная речь. Но я запомнил его до мелочей. Ясноглазый такой, с отросшим светлым чубчиком, который на лбу распадался на отдельные прядки. Он был в сильно выцветших вельветовых штанишках с оттопыренными карманами и в светло-зеленой, в мелкую клетку, рубашке. Помятая рубашка смешно разъехалась на животе, и, как василек, голубел клочок майки.

У него были темные от въевшейся пыли колени и стоптанные сандалии. На левой сандалие спереди разошелся шов; получилась щель, похожая на полуоткрытый рыбий рот. Из этого «рта» забавно торчала сухая травинка.

На переносице у малыша сидели две или три крапинки-веснушки, а на подбородке темнела длинная царапина. Она была уже старая, распавшаяся на коричневые точки.

Верхняя губа у него была все время чуть приподнята. Казалось, что малыш хочет что-то спросить и не решается.

Конечно, разглядел я все это позже. А пока мы сходились в шелестящей высокой траве, молча и выжидательно посматривая друг на друга. Я опять ощутил оторванность от мира. Будто я не в середине города, а в незнакомом пустом поле, и навстречу идут люди неведомой страны. Почти сразу это прошло, но ожидание таинственных событий осталось.

Вдали протяжно затрубил тепловоз. Оба они обернулись. Младший быстро и порывисто, старший как-то нехотя.

– Ничего там нет, – громко сказал Мальчик.

Я подумал, что они говорят про башню, где недавно был. Видимо, это были «исследователи» вроде меня.

– Что вы ищете? – спросил я.

– Следы, – сказал Мальчик. Малыш встал на цыпочки и что-то зашептал ему в ухо. Мальчик улыбнулся чуть-чуть и молча взъерошил малышу затылок. Тот смущенно вздохнул и смешно сморщил переносицу. "Братик", – подумал я. И с той минуты всегда звал его про себя Братиком. Может быть, это звучит сентиментально, однако другого имени я ему не найду. Был у Мальчика не просто младший братишка, а именно братик – ласковый и преданный.

Но вернемся к разговору. Мальчик сказал про следы.

– Чьи следы?

– Времени, – спокойно ответил он.

– Ничего нет, – понимающе сказал я. – Никаких монет, никакого ржавого обрывочка кольчуги не найдешь. Только пушка. Но ее не утащишь для коллекции.

– Пушка – это не то, – сказал он рассеянно. И спросил, как бы спохватившись: – А камней с буквами не видел?

– Нет.

– Значит, никто не знает, где мы, – сказал он почти шепотом и опустил голову. – Иначе они вырубili бы на камнях какой-нибудь знак. Такой, что не стерся бы... Хотя бы одно слово.

– Твои знакомые? Туристы? – спросил я с разочарованием, потому что только туристы пишут на старинных камнях.

– Нет, – с короткой усмешкой ответил он. – Тогда туристов не было.

"Когда?" – хотел спросить я, но что-то помешало. Не страх и не смущение, а какая-то догадка. И потом, когда он все рассказал, я не удивился и поверил сразу.

Мы стояли по колено в траве, и на ее верхушках лежала между нами тень жестяного флага-флюгера башни. Я шагнул, разорвал тень коленями и встал рядом с Мальчиком.

– Пойдем, – не то сказал, не то спросил он, и мы пошли рядом, словно стоворившись, что у нас одна дорога.

Из травы мы выбрались на каменистый пятачок. Там сидел и щурился рыжий котенок. Он увидел нас и разинул маленький розовый рот: или зевнул, или сиплю мяукнул.

– Ой!... – радостно сказал Братик. Шагнул было к котенку, но раздумал и стал шевелить пальцами в разорванной сандали. Торчащая соломинка задергалась. Котенок припал к камню и задрожал от азарта. Потом он прыгнул на сандалию.

– Пф, – сказал Братик и легонько топнул.

Ух, какой свечкой взвился рыжий охотник! А потом вздыбил спину и боком, боком, боком, на прямых ногах ринулся прыжками в травяные джунгли.

– Ой! – уже встревоженно воскликнул Братик. И помчался следом. И мы тоже.

Котенка мы не нашли, но было так здорово бежать по траве под горячим солнцем! Мы промчались через весь холм и остановились у противоположного откоса. Глинистая крутая тропинка сбегала среди одуванчиков к городу. Братик раскинул руки и помчался, поднимая подошвами дымки рыжей пыли. Мальчик молниеносно и как-то встревоженно бросился за ним. И я помчался!

Цветы одуванчиков сливались в желтые полосы. Синий воздух шумно рвался у щек, свистел в ногах. Город летел ко мне, и я летел к нему навстречу.

Впрочем, внизу я полетел по-настоящему – запнулся за кирпич. Левое колено попало на щебень. Еще не открывая глаз, я знал, что кожа содрана до крови. Тоже ощущение детства, хотя и не очень ласковое. Конечно, хотелось зареветь, но пришлось сдержаться. Я открыл глаза.

Мальчик лежал рядом. Ничком. Над ним встревоженно склонился Братик. Резкий страх поднял меня на ноги. Я тряхнул Мальчика за плечо.

– Что с тобой?

Он приподнял голову и посмотрел так, словно хотел увидеть не меня, не эту улицу, а что-то совсем другое.

– Ничего, – устало сказал он и встал. – Все то же.

Я занялся своей раной. На колене багровел кровоподтек. Из длинных черных царапин щедро выкатывались алые горошинки крови.

– Приложи подорожник, и все пройдет, – негромко, со знанием дела посоветовал Братик. Я кивнул и, хромая, отправился искать подорожник. И не знаю, как оказался в незнакомом переулке. Темнели с двух сторон массивные старинные ворота, лежала тень, и сами по себе скрипели деревянные тротуары.

Стало грустно, что вдруг потерялись новые друзья. Чувствовал я, что встреча была не случайной.

Я стал искать. Менялись улицы, наклонялись навстречу дома. Пружинили под ногами тротуары, и качались травы. Солнце уходило за купол старинного крепостного собора.

Наконец я увидел Мальчика и Братика. Они стояли у массивных ворот бревенчатого дома. Дом был похож на деревянную крепость.

Мальчик стоял, прислонившись к столбу калитки, а Братик лениво качался на прогнувшейся доске тротуара.

– Куда вы исчезли? – обрадованно сказал я. – Бегаю, ищу...

– Никуда, – равнодушно сказал Мальчик.

– Пойдем наверх.

– Нет.

– Почему?

– Не знаю.

– Ну... разве здесь лучше?

– Не знаю... – опять сказал он. – Не пойму. Здесь все какое-то ненастоящее. Будто все только кажется. – Он пошатал доску забора, словно проверял: может быть, и она не настоящая. Я не удивился, только стало обидно.

– А я? – спросил я с неожиданной горечью. – Значит, и я не настоящий? Ну, посмотри... – Я протянул ему ладонь.

Он подумал, взял меня за рукав. Потом его узкая ладонь охватила мою кисть.

– Ты? Ты настоящий? – сказал он как-то светло и радостно.

И я понял, что он мне нужен, что я хочу такого друга.

Помню, что с этого момента я стал звать его по имени.

А Братик смотрел на нас молча и покачивался на доске.

Над крышами зеленел край холма, и острые башни с флюгерами белели, как декорации к сказке. Глядя на башни, Валерка сказал:

– Мы жили здесь... Вернее, здесь, но... не так. Крепость была целая, и башни новые. И люди там жили... А кругом поля. И такая высокая трава. Она при луне как серебро.

– Когда это было? – опросил я, и стало немного страшно. Он вздохнул и, как бы делая трудный шаг, тихо ответил:

– Ну... наверное, пятьсот лет.

– Да, – неожиданно подтвердил Братик.

Как будто холодная волна прошла между нами. Словно все эти пятьсот лет дохнули ветром, чтобы развеять нас в стороны. Я торопливо шагнул ближе к Валерке.

– Слушай... А может быть... это тебе только приснилось?

Он не обиделся и не ответил. Только головой покачал. Потом сказал:

– Это здесь, как во сне... если бы не ты.

И было так хорошо, что он сказал: "Если бы не ты". Значит, он тоже хотел, чтобы я был. С ним!

Но это время... Пятьсот лет!

– Как же ты... Ну, как вы попали сюда?

– Я расскажу. Потом, ладно?

Мы помолчали.

– А как вы живете, у кого?

Валерка небрежно оглянулся на дом.

– Не знаю. Мне все равно. Какие-то старики... Вот он знает, наверное... – И Валерка посмотрел на Братика. Тот молчал и понимающе слушал нас. Видимо, он знал. Кажется, он вообще знал больше брата.

– А... – начал я и вдруг замолчал, устыдившись пустых слов. Отчетливо и на всю глубину вдруг почувствовал, какая же тоска должна быть у этого мальчишки. Как ему хочется домой, где новые белые башни и лунная трава у крепостных стен.

– И никак нельзя вернуться?

Он медленно поднял глаза на меня и пожал плечами.

И тогда опять на цыпочки встал Братик. Он что-то сказал ему. Валерка слушал недоверчиво, но внимательно. Потом произнес вполголоса:

– Да ну... сказка.

Братик зашептал опять. Валерка виновато взглянул на меня.

– Он говорит, что, если найти очень старый дом... со старинными часами...

– Ну?

– И перевести часы назад...

– На пятьсот лет? – спросил я у Братика.

– Да, – шепотом сказал он.

– И тогда что?

– Тогда, наверное, порвется цепь...

– Какая цепь?

– Не знаю...

– А откуда ты все это взял?

– Не знаю... – Он чуть не плакал, оттого что не знает.

Валерка ласково взял его за плечо.

Я сказал:

– Рядом с нами есть очень старый дом. Он заколочен.

– А часы?

– Надо посмотреть.

Но я уже был уверен, что часы там есть.

...События нарастали, и время ускоряло бег.

Я помню пустой солнечный двор старого дома. Крыльцо с витыми столбиками, потрескавшиеся узоры на карнизах, галерею с перилами. Окна и дверь были забиты досками. Мы подошли к окну.

– Надо оторвать доски, – сказал я.

– А если увидят? – засомневался Валерка.

– Все равно, лучше сейчас оторвать. Если сейчас увидят, скажем: просто так, поиграть хотели. А если ночью заметят, решат, что воры...

– Давайте, – согласился он.

И тут пришел страх. Непонятный и тяжелый. Это бывает лишь во сне: кругом пусто и солнечно, а страшно так, что хочется бежать без оглядки. Но если побежишь, ноги откажут и случится что-то жуткое.

Я не побежал. Тугим, почти физическим усилием я скрутил страх и взялся за край доски. Валерка – за другой. С отвратительным криканьем выползли ржавые гвозди.

Освободив окно, мы пошатали раму, и створки мягко разошлись. В доме стоял зеленый полумрак, пробитый пыльным солнечным лучом.

Часов мы не увидели, но из глубины доносилось тяжелое металлическое тиканье. Страх медленно проходил.

– Лезем, – прошептал я.

– Надо в полночь, – возразил Валерка.

– Конечно! – сказал я с неожиданной досадой. – Ну конечно! Все такие дела делаются в полночь... Чушь какая-то!

– Да не обязательно, – откликнулся он виновато. – Но стрелки можно вертеть, пока бьют часы. Вертеть надо очень долго, а в полночь часы бьют дольше всего.

На это нечего было возразить.

Мы закрыли окно.

– Слышишь? – вдруг спросил Валерка.

– Что?

– Труба играет. Далеко-далеко.

Я не слышал. И сказал:

– Наверное, электричка трубит.

– Да? – неуверенно проговорил он. А Братик посмотрел на меня осуждающе.

И тут наступил вечер.

...Мы снова поднялись на холм, к развалинам стены, и сели на пушку. Она еще не остыла от дневного солнца. От стены тоже веяло дневным теплом, но воздух посвежел. Резко пахло холодными травами. Последние краски дня перемешались с вечерней синевой. И встала круглая луна. Очень большая и какая-то медная.

– Луна была такая же, – вдруг тихо сказал Братик.

Я не видел его, потому что между нами сидел Валерка. Я наклонился и посмотрел на Братика. Мне показалось, что он плачет, но он просто сидел, упершись лбом в колени. И тербил траву. Потом он резко поднял голову.

– Опять, – напряженно сказал Валерка. – Слышишь?

Я прислушался и на этот раз действительно услышал, как играют горнисты. Далеко-далеко. Пять медленных и печальных нот перекатывались в тишине. Вернее, где-то позади этой тишины, за горизонтом уснувших звуков. "Та'-а-та' та'-а-а-та".

– Ну и что? – неуверенно спросил я. – Кругом много лагерей. Отбой играют. Что такого?

– Наверное... – согласился Валерка. – Только... разве это отбой?

– Это зовущий сигнал, – спокойно и уверенно сказал Братик. – Ты не помнишь?

Валерка не ответил.

Сигнал, печальный и незнакомый, звучал во мне и все повторялся. Как-то сами собой подобрались к нему слова: "Спать не ложи-и-те-есь... Ждет вас доро-о-о-оога-а..."

Что им не спалось, горнистам?

– Я был трубачом, – вдруг сказал Валерка, не глядя на меня. – Ну... я обещал рассказать. Я был трубачом и дежурил на левой угловой башне... Всегда... И в тот вечер тоже. Они взяли крепость в кольцо, а у нас не хватало стрел. Они жгли костры, и всадники Данаты скакали у самого рва...

– Кто такой Даната? Князь? Или вождь?

– Начальник арила, – сказал Валерка. И я больше не стал спрашивать.

– И Даната послал Ассана, своего брата и друга, будто для переговоров. Ассан поднял шлем на копье, и мы, когда увидели его без шлема, опустили мост. Мы не знали... Он въехал на мост и перерубил канат; мост уже нельзя было поднять. Даната с конниками ворвался в ворота. А следом вошли тяжелые меченосцы. И полезли на стены, на галереи. На башни...

– Ты был без оружия?

– Вот у него, – Валерка посмотрел на Братика, – был маленький лук. Ну, игрушка. Даже кожаный щит пробить было нельзя. А меченосцы пришли в панцирях... Они, наверное, не тронули бы нас, но я заиграл, чтобы у дальних стен построились для рукопашного боя. Тогда меченосец замахнулся на меня. Я закрылся от меча трубой, отступил на карниз. А мы были вместе... – Он неожиданно притянул Братика за плечо, и тот послушно прижался к старшему брату.

– Я отступил, – сказал Валерка, – и толкнул его нечаянно. Он упал в ров. Тут уж я про все забыл, обернулся, чтобы посмотреть, испугался. А он даже не ушибся: было невысоко и

травы густая. Стоит внизу и на меня смотрит. Я обрадовался, а меня вдруг как толкнет что-то. Я упал... и вот здесь...

– Если бы ты знал, – тихо сказал он. – Ходишь, ходишь по этой траве... Думаешь, может... может, хоть камушек знакомый попадется. А ничего нет... И как там кончился бой?

Я молчал.

– У меня даже трубы не осталось, – вздохнул Валерка.

Наяву я, конечно, бросился бы в темную пропасть догадок: кто он, откуда? Не было здесь никакого Данаты с тяжелыми меченосцами. С какой планеты эти двое мальчишек, из какой Атлантиды? Уж чего-чего, а фантастики я начитался и умел размышлять о таинственных ветрах пространства и времени.

Но там, на крепостном холме, я думал совсем о другом. Я с возрастающей грустью думал, что скоро он уйдет. Мне очень нужен был друг, но Валерка собирался уйти, и Братик тоже.

Из жерла пушки, не торопясь, вылез котенок. Было еще совсем темно, но я разглядел, что это наш знакомый – Рыжик.

Он опять сипло мяукнул, выгнув спину и начал мягко тереться о мою ногу.

– Смотри, – сказал я Братику.

Он тихонько обрадовался, подхватил котенка на колени, и тот заурчал негромко, будто наш электросчетчик в коридоре.

– Пойдем, искупаемся, – сказал Валерка. – До двенадцати далеко.

Я встал. Я тоже любил купаться в сумерках. Мы гуськом спустились к маленькому пруду.

Вечер темнел. Был он не синий, не сиреневый, а какой-то коричневатый. Бывают такие вечера. Желтый шар луны повис в теплом воздухе и отражался в воде расплывчатым блином. Высокие кусты окружили пруд, закрыв огоньки и темные силуэты крыш. Пахло чуть-чуть болотом и горьковатой корой деревьев.

Мы ступили на дощатый мостик.

– Раздевайся, – сказал Валерка Братику.

– Нет. Он тогда убежит... – Братик покачал у груди котенка. Потом он стряхнул сандалии и сел, опустив ноги в воду.

– Ух, какая теплая...

Мы с Валеркой разделись. Я сразу скользнул с мостика – осторожно, чтобы не испугать плеском тишину. Вода и в самом деле была словно кипяченая. Дно оказалось илистым, но не очень вязким. Я пяткой попал на бугорок из увядших водорослей. Оттуда, рванувшись, побежала вверх по ноге щекочущая цепочка воздушных пузырьков.

Я присел на корточки, распрямился у самого дна и поплыл под водой, раздвигая редкие камышинки. Потом открыл глаза и глянул вверх. Луна просвечивала, как большой желток. Я вылез на мостик, дождался Валерку. Мы молчали. Оделись и пошли к старому дому.

Вечер превратился в ночь. Небо стало темно-зеленым, а луна почти белой.

Я боялся только одного: вдруг появится опять непонятный тягучий страх. Но страха не было. Темный дом под луной казался таинственным, но не опасным.

Мы раскрыли окно. Я скользнул в него первым. Пол был ниже земли, и, когда я прыгнул внутрь, подоконник оказался выше моей головы. Я принял на руки Братика. Он сразу прижался ко мне.

– Боишься? – удивился я.

– Немножко, – шепотом сказал он.

Спустился Валерка. Половицы дружелюбно скрипнули.

Мы были в широком коридоре, вдоль которого посередине зачем-то тянулись точеные перила. На горбатом полу раскинулись зеленые лунные квадраты. От них было светло.

Скользя ладонью по перилам, я пошел к открытой двери, из которой доносился стук часов. Был он громкий, словно в металлический ковшик роняли железные шарики. Братик обогнал меня, он уже перестал бояться.

Мы вошли в квадратную комнату и сразу увидели часы. Они были очень старые и громадные, ростом со взрослого мужчину. Стояли они на полу – такой узкий застекленный шкаф с резными деревянными рыцарями по бокам дверцы. Рыцари были ростом с Братика. Они стояли, положив руки в боевых перчатках на перекладины мечей. Я почему-то подумал о меченосцах Данаты.

Высоко вверху за стеклом дверцы мерцал фарфоровый круг с черными трещинами и медными римскими цифрами. Узорные стрелки показывали без двух минут двенадцать. Внизу тяжело ходил маятник, похожий на медную сковородку.

– Ну, давай, берись за стрелки, – сказал я. – Пора.

Валерка с досадой пожал плечами.

– Да не могу я. Ну... нельзя нам. Ничего не выйдет. Это ты один можешь. Понимаешь?

Я кивнул и, покосившись на рыцарей, потянул дверцу. Она отошла, и стук часов стал еще громче. Я поднялся на цыпочки и прикоснулся к большой стрелке. Она была холодная, как сосулька. Внутри часов нарастало скрежетанье. Мы напряженно замерли. Скрежетанье исчезло, и мягко, негромко, толкнулся первый удар.

– Верти! – тонко крикнул Братик.

Я завертел стрелку так, что она расплылась в прозрачный круг, на котором вспыхнули лунные искры. Часы удивленно промолчали, потом ударили еще два раза. И тут я с отчетливой тоской понял, что мы расстаемся. Валерка и Братик исчезнут сейчас, и я останусь в этом пустом лунном одиночестве. Мы даже не успеем ничего сказать друг другу.

Я так не мог!

Рука слегка задержала стрелку.

– Ну, что ты? – не сердито, а как-то жалобно крикнул Валерка. – Крути! Боишься?

Я подумал, что теперь всю жизнь он будет считать меня предателем. И снова нажал на стрелку. Но тут пришла спасительная мысль.

– Бесполезно, – сказал я, устало обернувшись. – Потому что не успеть. Ну смотри: один круг – это один час. В сутках двадцать четыре часа. В году триста шестьдесят пять суток. А за пятьсот лет? Это больше четырех миллионов оборотов!

Наяву я ни за что бы не сосчитал так быстро: арифметику всегда еле тянул на тройку...

Часы ударили последний раз, и навалилась тишина.

Валерка и Братик были рядом, но я не радовался. Им было очень грустно, и я чувствовал себя виноватым. Надо было все же вертеть стрелки до конца. Всегда надо вертеть до конца.

– Тогда пусть возьмет меч, – вполголоса, но настойчиво сказал Братик.

– Какой меч? – спросил я.

– Он не тяжелый, – торопливо сказал Братик. – Только им надо убить Железного Змея. Это он держит нас в плену.

– Сможешь? – нерешительно и с надеждой спросил Валерка.

Начиналась совсем уже сказка. А у сказки свои правила. Я знал, что смогу. Убью Железного Змея, и все будет хорошо. Для Валерки и для Братика. А для меня?

– Только этот меч на старом кладбище, – виновато сказал Валерка.

– Подумаешь...

– Тогда пойдем?

– Пойдем.

Мне очень не хотелось идти. Я ни капельки не боялся ночного кладбища, но опять стало тоскливо. Сказка разворачивалась по своим законам, и я знал: скоро надо расставаться с Валеркой.

Можно было бы не ходить, придумать что-нибудь, отказаться. Я чувствовал, что он даже не обидится. Но я шел, потому что ни во сне, ни наяву дружбу не завоеуешь предательством.

Лунные улицы были совсем не похожи на дневные. Афишные тумбы напоминали маленькие терема. От них падали очень черные тени. На углу, где раньше стоял киоск, возвышалась трансформаторная будка, очень странная: на громадном разлапистом пне – бревенчатая кособокая избушка. От нее тянулись провода. С пня спрыгнул на асфальт крошечный гном с электрическим фонариком и юркнул в подворотню. Я не удивился.

Мы вышли на освещенное луной место. Кругом были травянистые холмики и серые продолговатые камни, похожие на обломки бетонных панелей. На камнях темнели буквы. Торчало несколько кривых крестов. Один крест – очень маленький, но на длинной ножке – ярко блестел.

И вдруг я понял: это воткнутый в холмик меч с крестообразной рукоятью.

Валерка с Братиком остановились. Я шагнул к мечу. Витая рукоятка с перекладиной была на уровне моих плеч. Я ухватил ее двумя руками и потянул. Клинок легко-легко вышел из земли.

На лезвии не осталось ни крошки чернозема. Лунный свет буквально стекал по сверкающему лезвию. Казалось, он начнет падать с острия тяжелыми каплями.

Меч был удобный – рукоятка увесистая, а клинок легкий. Крути над головой, как хочешь. Я взмахнул им и...

Земля ушла из-под ног, словно пол рванувшегося автобуса. Пространство сдвинулось, перекошилось... и мы опять оказались в старом доме.

Шкаф из-под часов стоял на прежнем месте, но циферблата и маятника не было. Вместо них блестел за стеклом дверцы мой меч.

– Теперь бери смело, – сказал Валерка.

– Бери, – сказал Братик. И я взял, хотя сердце бухало как колокол.

– Ну, где ваш змей?

– Пойдем, – как-то скованно отозвался Валерка. Я его понимал: ему было неловко, что не он идет на поединок. Но ведь он был не виноват, что у этой сказки такие законы.

Снова мы пошли по ночному городу. По краям улицы стояли темные деревья. Идти было грустно.

– Знаешь, что... – сказал Валерка.

Я знал. Он хотел сказать, что остался бы, но не может. Обязательно ему надо туда, где не закончена битва, где он оставил свою трубу.

– Понимаю... – сказал я и посмотрел на Братика. Вот Братик, пожалуй, остался бы. Если с Валеркой. Потому что ему важно одно: чтобы рядом был старший брат.

Улица становилась все темнее, превращалась в глухую аллею. Стволы и ветки смыкались, заслоняя лунный свет. А мы шли и шли.

А потом за поворотом ударили по глазам лучи, и мы увидели, что уже утро, почти день.

Мы стояли на большом пустыре, поросшем чахлой полынью. В полыни валялся белый конский череп. Костлявый старик таскал за собой на веревке костлявую козу: искал, где трава получше. На нас он посмотрел со злобой и опаской.

На краю пустыря желтел глинистый бугор с черной норой, похожей на подземный ход.

– Смотрите, – звонко сказал Братик.

Из черной дыры выбиралось на свет смешное железное чудовище. Этаким громыхающий Змей Горыныч. Туловище было похоже на ржавую цистерну с наростами из помятых рыцарских панцирей и кирас. Сзади волочился членистый хвост из металлических бочек, дырявых ведер и бидонов. Между ними я заметил несколько сломанных набедренных и налокотников от старинных лат. Скрежетали крылья из кровельных листов и автомобильных дверок. Голова щелкала челюстями, как медвежьим капканом. Вместо глаз у нее блестели треснувшие фары.

Я с любопытством следил за этой живой грудой металлолома. Она вдруг перестала грохотать, бесшумно поднялась в воздух и понеслась на меня с нарастающим реактивным свистом.

Без страха, даже без всякой тревоги я поднял навстречу сверкающий меч. Он прошел сквозь железную ружья, как сквозь бумагу. И тут же вокруг меня стали падать друг на друга гремящие обломки. Последним упало к моей ноге автомобильное колесо.

– Вот и все, – сказал я.

Сухо пахло пылью и полынью.

– Вот и все, – повторил Валерка.

Валерка и Братик стояли рядом. Они были рядом со мной но уже как бы за стеклянной стенкой. Они думали не обо мне. Смотрели мимо, за горизонт.

"Может быть, останутся все-таки?" – подумал я, но вслух не спросил. Знал, что не останутся, и было горько.

Что-то пушистое задело мою ногу. На автомобильном колесе сидел и зевал рыжий котенок. А я забыл о нем! Я взял котенка на руки, и он, конечно, опять заурчал. Валерка и Братик смотрели на меня молча.

– Как же вы попадете домой? – спросил я.

– А, теперь это все равно как. Пустяки, – с какой-то преувеличенной бодростью откликнулся Валерка. Он уложил поровнее на земле дверцу от самосвала, пристроил к ней железную стойку, а на нее прицепил автомобильный руль.

– Вот и машина, – сказал он. – Это ведь неважно... Пора.

Он и Братик встали на дверцу. Я понял, что сейчас они уйдут совсем. Было нечего сказать на прощанье. Вернее, незачем было говорить.

Валерка смотрел на меня виновато.

Братик вдруг встал на цыпочки и зашептал ему на ухо. Валерка неловко улыбнулся:

– Он спрашивает, можно ли взять с собой котенка.

– Конечно! – торопливо воскликнул я.

Невидимая стеклянная стенка на несколько секунд растаяла. Братик прыгнул с дверцы, подошел и торопливо взял в ладошки нашего рыжего найденыша. Тот даже не перестал урчать.

– Спасибо, – одними губами сказал Братик.

Потом они опять встали рядом, и "машина", приподнявшись над землей, заскользила к горизонту. И сразу стала таять...

– Может быть, еще вернутся? – сказал я себе вполголоса.

– Зачем? – скрипуче спросил подошедший старик.

Я промолчал.

– Хулиганство одно на уме, – проворчал он.

У меня скребло в горле: не то от слез, не то от полыни. И болела рука. На тыльной стороне ладони алел глубокий порез. Видно, цапнуло обломком железного змея.

"Приложи подорожник, и все пройдет..." – вспомнил я. И пошел искать подорожник. Но его не было. За пустырем началась густая трава. Я брел по ней, и пушистые метелки ласково трогали колени. Я слизывал с руки капельки крови. Сон угасал, как гаснет киноэкран, когда на кадрах бывает затемнение.

Я просыпался, будто проваливаясь в светлую щель. В окно било яркое утро. Однако сон еще держал меня в мягких ладонях. Я машинально поднес к губам руку, чтобы слизнуть кровь. Но пореза не было, боль быстро проходила...

Во дворе хлопала калитка, и деловито орал соседский петух. Я вскочил, оделся и стал жужжать электробритвой.

И тут пришел Володька, с которым два дня назад мы сильно поссорились. Он был сам виноват тогда, но обиделся и ушел со слезинками на ресницах. Ушел, не сказав ничего, не ответив на оклик. Так уходят, чтобы совсем уж не возвращаться. И мне было очень горько, что

он не придет, не будет, сидя в кресле, листать мои книги, не будет "давить клопов" на моей пишущей машинке и рассказывать о своих приключениях. И я хотел даже найти Володьку, чтобы помириться, хотя и не был виноват. Но не помирился. Не потому, что я взрослый, а он маленький. Просто он уехал к своему деду на другой конец города.

И вот он пришел. Вернее, прибежал. Коричневый, в белой маечке, натянутой на мокрое тело, с влажными волосами. Легкий и тонконогий, как олененок.

– Здравствуй! – сказал он. – Ты дома? Пойдем купаться! Знаешь, какая теплая вода! Ну, пойдем... Да?

Он говорил, пританцовывая на пороге, и смотрел веселыми влажными глазами. И только в глубине этих глаз была виноватинка: "Ты не вспомнишь обиду?"

А обиды у меня не было. Была только радость, что он вернулся.

И мы, конечно, пошли купаться на пруд, к плотине, где уже собрались все мальчишки с нашей улицы. По краям тропинки цвела белая кашка, отчаянно звенели кузнечики, а в небе стояли желтые кучевые облака, похожие на дирижабли.

Володька прыгал впереди и порой оглядывался. Виноватинки в глазах еще не совсем исчезли.

Я улыбался ему и вспоминал сон. Хороший сон про возвращение в детство. Про то, как грустно бывает расставаться с другом, но тут уж ничего не поделаешь. Раз у него страна, где не доиграна битва и где он оставил свою трубу.

А может быть, он все-таки вернулся бы?

Я тоже порой ухожу в далекую страну, где живет мой друг Алька Головкин из четвертого «А» и пружинит под ногами тротуар, и сосновые кораблики с клетчатыми парусами плывут к дальним архипелагам. Там сколько хочешь можно ходить по колено в траве, запускать с крыши бумажного змея и воевать с пиратами. Там всегда выходишь победителем из поединка со злом, потому что нет оружия сильнее, чем деревянная шпага.

Но ведь я возвращаюсь. К Володьке. Ко всем.

Конечно, если бы сделать, чтобы никакие ветры, никакие годы не разделяли друзей! Если бы время не отнимало у человека детство... А может быть, это можно сделать? Если очень постараться?

– Если постараться, всего добьешься. Да, Володька? – спросил я.

– Нет, – сказал он, даже не обернувшись. – Не всего.

– Почему?

– Нипочему. Не всего, вот и все.

– Например? – начал я раздражаться,

– Например, попробуй загнать муху в мыльный пузырь, и чтобы он не лопнул.

Я обиделся, но он даже не заметил. Потом я перестал обижаться, и мы купались, пока не перемерзли до крупной дрожи. Тогда мы пошли домой.

Я насвистывал сигнал, который запомнился мне во сне: "Та'-а-та-та та'-та-а..."

– Это ты «Исполнение» свистишь? – вдруг спросил Володька.

– Что?

– Ну, сигнал. Я же знаю. Я два раза в лагере горнистом был. Это сигнал "Все исполняйте".

И он просвистел так же, как я, пять протяжных нот.

– Выдумываешь все, – проворчал я.

– Пойдем напрямик, через парк, – сказал Володька.

– А куда ты идешь? Вот где ворота!

Он вздохнул, удивляясь моей недогадливости. Отодвинул в заборе доску и показал: "Лезь".

По ту сторону забора, на опрокинутой мусорной урне, сидел рыжий котенок с удивительно знакомой мордой.

– Что-то знакомая личность, – сказал я.

– Это же Митька. Мы его в беседке нашли. Кормим по очереди. А он привык и за нами бегают, за всеми ребятами... Ну, опять сбежал из дома, разбойник!

Митька беззвучно мявкнул. Володька сгреб его и сунул под майку.

– Сиди тихо!

Я свернул на дорожку, но Володька сказал:

– Куда ты? Пойдем прямо.

Он дал мне ладошку и повел через высокую траву и кусты шиповника.

– И как ты ухитришься не исцарапаться? – спросил я.

– Пфе, – сказал он. И шлепнул по животу, чтобы рыжий разбойник Митька сидел спокойно.

В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА

1

Я не виноват, я не хотел этого. Я убеждал себя, что непростительно забивать голову сказками. Говорил себе: “Ты взрослый человек, у тебя серьезная работа. Думай о ней”. И думал о работе. Целыми днями. Но по утрам, сам того не желая, пытался собрать в памяти обрывки сновидений.

Нет, Северо-Подольская крепость мне больше не снилась. Снился залив под желтым закатом и залитый ветрами песчаный плоский берег. На берегу стояли каменные арки, а под ними висели сигнальные колокола – разных размеров. Заметно было, что колокола заброшены: у многих не было языков. Из песка торчали высокие травинки, и ветер пригибал их.

Еще я видел солнечные, но совершенно пустые улицы незнакомого города. А еще – внутренность круглых крепостных башен. По вогнутым стенам висели полуразбитые каменные лестницы. В узкие окна били пыльные полуденные лучи. Из поржавевших железных скоб срывались и падали погасшие факелы.

...Тех двоих я ни разу больше не видел. Но на берегу, на пустых улицах, на стертых ступенях лестниц я чувствовал: они только что были здесь. Я даже пытался найти, догнать их. И знал, что еще чуть-чуть – и догоню. Но не мог. И было очень горько. Я в этих снах был мальчишкой и не стеснялся плакать...

Нелепо тосковать по людям, которых никогда не было, которые однажды просто приснились. Но я тосковал по Валерке и Братику.

И ведь никому не расскажешь! Разве что Володьке... Но Володька – он разный. Иногда ласковый, тихий и все понимает. А иногда вдруг станет вредным таким и насмешливым. И не поймешь отчего...

И все же Володька был единственным человеком, который меня мог бы понять.

2

Мы с ним познакомились три года назад.

Я перепечатывал на машинке статью для журнала “Театральная жизнь”. Печатал я тогда плохо, работа надоела, я лениво давил на клавиши. В это время постучали.

Я неласково сказал: “Войдите”.

На пороге возникло лохматое, но симпатичное существо ростом чуть повыше спинки стула. С тонкой шеей, оттопыренными ушами и глазищами цвета густого чая. Одето оно было в мальчишечью школьную форму, крайне для него большую.

– Это вы все время тюкаете? – строго спросил гость.

– Что значит “тюкаете”? – слегка обиделся я.

Не отводя внимательного взгляда, мальчишка объяснил:

– Я внизу живу. А наверху каждый день: “тюк” да “тюк”, “тюк” да “тюк”. Будто клюет кто-то...

– Это машинка стучит, – объяснил я. – Печатаю. Работа такая. А что, мешаю?

– Да нет, тюкайте, – великодушно разрешил гость и добавил: – Просто интересно. А вы кем работаете?

– Я зав. литературной частью. Проще говоря, литературный директор.

Что-то вроде уважения мелькнуло у мальчишки в глазах. Он попытался незаметно подтянуть штаны и спросил:

– В какой школе?

– Почему в школе...

– В нашей школе исторический директор, – объяснил гость. – Он пятиклассников истории учит. У Витьки – ботаническая директорша. А вы в какой школе? Вы литературу преподаете?

Слово “преподаете” он произнес с солидностью человека, уже посвященного в премудрости школьной жизни.

Я сообщил, что работаю не в школе, а в Театре юного зрителя, отвечаю за то, как написаны пьесы.

– У-у... – сказал он. – А я думал, что в театре все люди артисты.

Я терпеливо объяснил, что в театрах много работников с разными профессиями.

– Но артисты все же самые главные? – спросил он. – Или вы главнее?

Набравшись нахальства, я сказал, что главнее: артистов много, а я один.

Он кивнул, помолчал и задал новый вопрос:

– А вы были артистом? Или сразу стали директором?

– Был.

– А кто главнее: литературный директор или знаменитый народный артист?

“Вот зануда”, – подумал я и ответил, что народный, пожалуй, главнее.

– А вы почему не стали народным? – поинтересовался он, глядя ясными янтарными глазами.

“Иди ты знаешь куда...” – чуть не сказал я и мрачно признался:

– Не получилось.

– Бывает, – посочувствовал он.

– Просто мне расхотелось играть, – заступился я за себя. – Я решил сам писать пьесы.

– Получается? – серьезно спросил мальчишка.

– Получается, – соврал я.

Он вежливо сделал вид, что поверил. Опять кивнул и посмотрел на машинку.

– А как вы печатаете?

– Проходи, – сказал я. – Что за разговор у порога... Тебя как зовут?

Он сообщил, что зовут его Володькой, скинул у дверей полуботинки и, бултыхаясь в своей форме, как одинокая горошина в кулке, подошел к столу. Забрался с ногами в мое кресло. Оглянулся на меня.

– Можно, я потюкаю?

Я с тайной радостью (есть причина не работать) вытащил недопечатанный лист и вставил чистый.

– Смотри, я покажу, как надо...

– Знаешь, я все привык делать сам, – доверительно сообщил Володька. – Я разберусь.

И он, в самом деле, быстро разобрался (правда, потом пришлось менять клавишу с буквой “ы”).

На другой день Володьку заинтересовала моя спортивная шпага (он выволок ее из-за шкафа).

– Это настоящая? – спросил он, и глаза у него сделались светлыми, золотистыми.

– Вполне, – сказал я.

– И ты умеешь сражаться?

– Конечно, – гордо ответил я. И объяснил, что в театральном училище нам преподавали фехтование, а кроме того, я занимался в спортивной секции. Один раз даже занял третье место в областной олимпиаде.

– Врешь! – восторженно сказал он.

Конечно, он просто не сдержался. И все же я решил поставить юного гостя на место.

– Во-первых, не вру. У меня диплом есть! А во-вторых, с чего это вы, сударь, начали говорить мне “ты”? Я взрослый человек.

Этот тип уселся на диван, поставил клинок между колен, прижался щекой к рукояти и задумчиво уставился на меня.

– Какой же ты взрослый? Взрослые не такие.

– А какие?

– Ну... они важные. У них жены, дети.

– Подумаешь... У меня тоже скоро будет жена. У меня невеста есть.

– А где она? – подозрительно спросил Володька.

– В Москве, в аспирантуре, – сказал я и вздохнул, вспомнив Галку.

Володька подумал и сообщил, что невеста – это не считается.

– У меня было две невесты. Одна в детском саду в меня влюбилась, а одна недавно, в сентябре. Записки писала. Печатными буквами.

– Ну, ты даешь... – только и сказал я.

– Можно, я потренируюсь шпагой?

– Тренируйся, но не шуми. Я хотя, по-твоему, не взрослый, а должен работать.

Мы подружились. Володька подрастал, перешел во второй класс, в третий, в четвертый... И почти каждый день приходил ко мне в гости. А если уезжал в лагерь или к бабушке, я скучал.

Иногда Володька печатал на моей машинке странные слова и говорил, что это названия планет, про которые он придумывает сказки. Иногда притыкался рядом и шепотом рассказывал, какую картину нарисует, когда совсем вырастет. Это будет грустная картина: кругом море, посередине маленький остров, а на острове одинокая, брошенная собака. Чтобы все поняли, что нельзя бросать собак. А еще будет картина “Девочка на дельтоплане”. Это та девочка, которая в первом классе писала ему печатными буквами записки. (“Только ты никому не говори, ладно?”)

А иногда в милого Володеньку словно бес залазил. Он начинал язвить. Чаще всего этот субъект потешался, что я считаю себя взрослым. Он заявлял, что взрослые не собирают картинки с парусными кораблями и не читают детских книжек. Взрослые не бегают с мальчиш-

ками на рыбалку и не строят игрушечные пароходы (сам подбивает меня на такие дела, а потом ехидничает!). Кроме того, взрослые умеют завязывать галстуки и не ужинают консервами из морской капусты.

Я злился и не знал, что возразить. Тем более что Галка не вернулась из Москвы, она вышла там замуж за солидного кандидата наук.

Но ссорились мы с Володькой редко. Зимой мы вместе катались на лыжах, а летом ходили купаться на большой пруд недалеко от дома.

Купались мы и в те дни, с которых я начал рассказ. Только мне было невесело и неспокойно. Володька смотрел на меня, и глаза его темнели.

– Ну, ты чего? – спрашивал он. – Чего ты такой?

– Устал, – говорил я.

– Ты же в отпуске.

– Пьесу переделываю. Не получается. Вот и устал.

– У тебя и раньше не получалось, а ты был веселый...

Я страдал из-за себя, а он из-за меня. Разве он виноват? “Расскажу”, – решил я наконец. И решив так, немного успокоился.

Но раз я повеселел, повеселел и Володька. В то утро мы опять пошли купаться, и он прыгал вокруг меня, как танцующий аистенок. И уже пару раз высказался в том смысле, что небритый подбородок – не доказательство взрослости, а всего только признак неаккуратности. Лишь когда повстречалась некая Женя Девяткина десяти с половиной лет, Володька слегка присмирел, порозовел и глянул на меня опасливо.

3

День начинался солнечный, но не жаркий. Купающихся было немного. Володька, однако, быстро скинул штаны и футболку и требовательно посмотрел на меня. Я, кряхтя, разделся. Но, поболтав ногой в воде, я твердо заявил, что купаться сейчас могут только явные психи. После того пошел на приткнувшийся к берегу плотик и с удовольствием вытянулся на сухих теплых досках.

– Пусть вода нагреется...

– Ты прямо как пенсионер, – досадливо сказал Володька.

– А ты не забывай, что я уже почти старик. У меня поясница...

– Опять ты за свое, – хмыкнул Володька.

– Конечно. Ты забыл, сколько мне лет?

– Двенадцать, – уверенно сказал он.

– Иди ты... – отмахнулся я и закрыл глаза.

...Почти сразу утих плеск воды, и смолкли крики мальчишек на недалеком островке. И шорох листьев. И откуда-то из темной дали донеслись пять ясных тактов трубы, пять ясных нот. Я узнал их сразу.

Это был сигнал Далеких Горнистов.

Я внутренне вздрогнул и стал ждать. Но сигнал не повторялся. Это был просто толчок памяти.

“Нет, хватит. Хватит пока думать об этом”, – сказал я себе. И разомкнул ресницы. Сразу вернулось летнее утро с его привычным шумом и редкими облаками над головой.

Растущий у самой воды тополь протянул над плотиком длинную могучую ветвь. Ухватившись за ветвь, надо мной висел Володька. И хитро поглядывал. Его пятки угрожающе шевелились в полуметре от моего живота.

– Без шуточек, – предупредил я.

Володька засмеялся и заболтал тощими ногами. Кожа на его груди сильно натянулась, и сквозь нее отчетливо проступили тоненькие ребра. Казалось, проводи по ним костяшками пальцев – и Володька зазвучит, как ксилофон.

– Не дитя, а шведская стенка, – сказал я. – Не кормят тебя дома, что ли?

– А-га... – неопределенно отозвался Володька. По-обезьяньи перебирая руками, он добрался почти до конца ветви и разжал пальцы.

Все брызги, которые поднял этот пират, хлопнувшись о воду рядом с плотиком, посыпались на меня! Я заорал и ползком перебрался на другой край.

– Не будешь обзывать дитем, – сказал Володька.

– Хулиган, – заявил я.

“Хулиган” радостно захихикал, потом примирительно сказал:

– Ладно, грейся. Я пока на остров к ребятам сплавлю.

– Валяй, – согласился я.

Глубина на пути до острова была Володьке не больше чем по плечи, и я за него не боялся.

Я опять вытянулся и закрыл глаза. Солнце стояло уже высоко и грело ощутимо. Я подумал, что буду долго-долго лежать так и не стану шевелиться. И, кажется, задремал.

...Кто-то ступил на плотик. Он качнулся, захлопала вода. Кто-то легко подошел ко мне и стал рядом. Я лениво повернул голову. Я был уверен, что увижу мокрые коричневые Володькины ноги с прилипшими нитками водорослей. Но на плотике был не Володька. Я увидел ноги, обтянутые не то черной кожей, не то клеенкой. К одной был пристегнут ремнями широкий нож – в плоском, тоже черном чехле и с костяной узорной рукоятью.

Кто это? Аквалангист? В нашем-то мелководном пруду?

Я поднял глаза.

Надо мной, одетый в странный кожаный костюм, с рыцарским налокотником на левой руке, стоял Валерка.

4

Я сразу понял, что это он. Не кто-то очень похожий на него, а именно он – Валерка, которого не было на свете. Которого я лишь однажды видел в странном сне про сказку в городе Северо-Подольске (которого тоже не было).

До сих пор я очень смутно помнил его лицо, но сейчас узнал моментально: его темную косую челку над беспокойными бровями, его зеленовато-карие глаза – внимательные и почему-то слегка виноватые, и коричневую родинку на остром подбородке.

– Это ты... – шепотом сказал я.

Он склонил голову и ответил медленно, вполголоса:

– Мне больше не к кому было прийти. Не сердись, что я помешал.

“Помешал”! Боже мой... Радость и тревога поднялись во мне одной крутой волной. Радость – что он здесь. Тревога – что этот сон может оказаться коротким, мимолетным. Я торопливо оглянулся. Все было, как прежде. Та же ветка над плотиком, то же клочковатое облако в вышине, тот же синий заколоченный киоск на берегу. Вон Володькина одежда на траве, а вон, на острове, среди мальчишек сам Володька – словно оранжевая бабочка мелькает в кустах его плавки.

Это, кажется, прочный сон, очень похожий на явь. Наверно, сказка будет долгой. Я потрогал подбородок и глянул на свои ноги: может быть, я опять стал мальчишкой, как в первом сне?

Нет, я по-прежнему длинный небритый дядька... А Валерка здесь!

Я посмотрел на Валерку. Я понимал, что он пришел не просто так.

Глядя все так же – внимательно и чуть виновато, – он проговорил:

– Только ты можешь помочь.

– Я готов, – быстро сказал я и вскочил. Плотик закачался, Валерка переступил, чтобы не упасть, улыбнулся и взглянул на меня снизу вверх.

Раньше мы были одного роста, а сейчас Валерка не доставал мне до плеча. Но я вовсе не чувствовал себя старшим. Наоборот, мне было неловко за свой рост и возраст. Но наплевать, не это главное. Главное, что он пришел!

Пять высоких нот сигнала опять прозвучали во мне.

– Как помочь тебе? Что случилось?

Он вздохнул, пошевелил ногой, поправил пристегнутый нож и снова вскинул на меня глаза.

– Ты хорошо владеешь шпагой?

У меня холодок пробежал по спине.

– Ну... владею... Средне. Почему ты решил, что хорошо?

– Я же помню Железного Змея. Как ты его одним ударом...

Я улыбнулся:

– Но это же была сказка. Сон... Хотя сейчас тоже сон, – не без грусти добавил я.

Он сказал серьезно:

– Это не сон. Это переход... А у нас ты будешь мастером клинка. Я знаю, в этом искусстве мы опередили наших вояк.

Я не понял. Да не все ли равно? Главное, что мы опять встретились.

– Нужна шпага? – спросил я.

Валерка кивнул.

– Придется зайти домой, – озабоченно сказал я.

Он опять улыбнулся, и снова это была виноватая улыбка.

– Да нет, шпага найдется. Нужен ты.

Я прыгнул на берег и стал торопливо одеваться. Потом окликнул через пруд Володьку. Он помахал рукой. Я крикнул, что скоро вернусь. Спихватился и посмотрел на Валерку.

Он кивнул:

– Скоро... Если ничего не случится.

– А что может случиться? – спросил я без боязни, а просто с любопытством.

– Скорее всего, ничего не может. Ты же мастер. Но все-таки... Шпаги – не игрушки. Ты не боишься?

Я не боялся. Во мне выросло напряженное ожидание загадочных событий, в которых мы будем вместе с Валеркой – плечом к плечу. Жаль только, что плечи у нас теперь на разной высоте...

– Идем? – спросил я у Валерки.

– Идем.

Я еще раз помахал Володьке, и мы ушли с берега.

5

Улицы были пусты. Ни людей, ни машин. Стояла тишина. Только наши шаги нарушали ее, да один раз желтый лист – предвестник недалекой осени – упал с тополя и зашуршал по асфальту. Валерка проводил его внимательными глазами.

Солнце грело уже крепко. У Валерки на лбу выступили маленькие капельки. От его тугой куртки пахло горячей кожей.

– Для чего ты в таком костюме? – спросил я.

– Это под доспехи, – сказал Валерка.

– У вас война?

– Смута, – ответил он и вздохнул.

Потом он доверчиво глянул на меня и сказал:

– Я бы не позвал тебя, но я очень боюсь за Василька.

– За кого? – удивился я.

– За брата. Ты не помнишь?

“Не помнишь”? Надо же сказать такое!

– Помню, конечно. Просто... я не знал, что его так зовут.

– Это я его так зову, – тихонько сказал Валерка и смутился.

Мне очень хотелось спросить про Братика, но я не решался. Опасение, что все может исчезнуть, не оставляло меня. Исчезнуть от неосторожного шага, от лишнего слова...

Несколько минут мы шли молча. По солнцу и тишине. От центра на окраину, мимо деревянных домов, по улицам, на которых прошло мое детство. И вдруг я понял, куда ведет меня Валерка: к старой трехэтажной школе, где я когда-то учился.

Перед школой тоже было пусто. Блестели стекла, тень от кленов лежала на красных кирпичных стенах. Странно! Ведь говорили, что школу недавно оштукатурили... На квадратном кирпичном столбике, у самых ступеней, я заметил сделанную мелом надпись: “Машка – ведьма”. Я сам это когда-то написал. Надо же, не стерлось до сих пор!

– Сколько сейчас тебе лет? – вдруг спросил Валерка.

Я остановился от неожиданности. Потом вспомнил Володьку. И, сам не зная почему, с мрачноватым юмором сказал:

– Двенадцать.

– Вот и хорошо, – серьезно откликнулся Валерка.

Мы вошли. По коридору гулко разнесся звук наших шагов – в пустых школах летом шаги всегда очень гулкие. Никого не встретив, мы подошли к спортивному залу. Валерка медленно отвел скрипучую дверь. В зале было пыльно и не прибрано. В беспорядке стояли и валялись, задрав “копыта”, спортивные “кони” и “козлы”. В затянутые сеткой высокие окна падали широкие лучи.

Мы пересекли зал и оказались у дверцы – она вела в комнатку, где хранились мячи, стойки для прыжков, кольца, спортивные маты. В эту же каморку наш физрук Василий Антонович отправлял иногда наиболее расхोдившихся на уроке мальчишек – “подумать и успокоить нервы”. Нам нравилось сидеть в полумраке и развлекаться потихоньку случайно найденными интересными штуками: ракетками, гантелями, деревянными гранатами и плетеными мячиками для хоккея.

Однажды за старыми матами я отыскал заржавленную рапиру...

Сейчас за дверцей была не каморка, а длинный, освещенный пыльной лампочкой коридор. Маты сплошными штабелями лежали у кирпичных стен, их хватило бы на тысячу школ. Между ними оставался лишь узкий проход, да и то не совсем свободный: кое-где почти до

пола свешивались с потолка толстые канаты и рваные волейбольные сетки. Конец коридора терялся в сумраке.

– Надо пробираться, – сказал Валерка.

– Давай.

Он скользнул вперед. Я прикрыл за собой дверь и двинулся следом...

Мы шли удивительно долго. В пыли и полутьме. Редкие лампочки лишь едва светились в паутине. Веревки и обрывки сеток цеплялись за руки и за ноги, а особенно – за Валеркин налокотник. Один раз оказалось, что тяжелые кожаные маты почти завалили проход, и пришлось пробираться под ними ползком.

Когда мне стало казаться, что мы провели в этом коридоре полжизни, он уперся в стену из очень крупных и неровных кирпичей. Здесь было попросторнее и горела лампочка поярче.

В стене был узкий неровный пролом.

– Пришли, – прошептал Валерка. – Сейчас пролезем – и все.

– Мне не пролезть, – уверенно сказал я,

Дыра выглядела слишком маленькой.

Валерка улыбнулся;

– Пролезешь.

И вдруг я понял, что он прав. Лаз в стене был в самую пору для моих мальчишечьих плеч!

Я снова стал мальчишкой! Словно и не кончался тот странный сон про лунный дом в Северо-Подольске и про часы с деревянными рыцарями.

Снова были на мне легонькие разношенные кеды, выцветшие до белизны шортики, слегка распоротые у кармана, и рубашка в серо-зеленую клетку. Старенькая мальчишечья рубашка с висящей на нитке пуговкой у ворота и закатанными по локоть рукавами.

Я рассказываю об этом долго, а радостное сознание, что мне, в самом деле, двенадцать лет, пришло тогда в одну секунду. Я глубоко вздохнул и засмеялся. Во всем теле была упругая легкость.

Валерка нетерпеливо смотрел на меня – уже не снизу вверх: мы теперь опять были одного роста.

– Лезь за мной, – сказал он. Это был не приказ, а торопливая просьба.

Он легко нырнул в пролом, звякнув о кирпичи налокотником. Я сразу сунулся за ним. В нос ударил едкий запах влажной извести, щербатый кирпичный край оцарапал ногу.

Я увидел, что Валерка прыгнул глубоко вниз: пол в комнате, куда он попал, был гораздо ниже, чем пол в коридоре.

Это была круглая комната без окон. На ржавом крюке висел большой железный фонарь с тремя свечами, довольно яркий. Его лучи высвечивали на полу щербатые каменные плиты. Валерка стоял внизу и протягивал ладони:

– Спускайся!

Он подхватил меня, не дал упасть на камни, когда я вывалился из лаза.

Я отряхнул с коленей и живота кирпичные крошки и осмотрелся.

– Где мы?

– В башне...

Потолок с могучими балками терялся в сумраке. Стены я разглядел лучше. Они были сложены из крупных старинных кирпичей вперемишку с каменными брусьями. У стен в беспорядке валялись медные и стальные нагрудники, наколенники, наплечники, глухие каски с широкими полями и прорезями для глаз. Старые, с пятнами ржавчины. А среди них лежали узкие мечи, сабли, шпаги.

– Выбирай, – сказал Валерка.

Я перебрал несколько клинков и взял четырехгранную рапиру с простой костяной рукоятью. Рукоять удобно легла в пальцы, а большой круглый щиток с ободком и мелкими ямками

хорошо закрывал руку. Светлый клинок был похож на громадную иглу. Однако на конце он был плоским, и оказалось, что края отточены. В случае чего можно не только нанести колющий удар, но и рубануть.

– Я готов, – сказал я и удивился звонкости своего голоса.

– А это? – Валерка кивнул на панцири и наколенники. – Ничего не возьмешь?

Таким легким, таким подвижным было мое мальчишечье тело! А это железо, наверно, тяжелое и холодное. Я передернул плечами.

– Обязательно?

Валерка улыбнулся.

– Да нет. Тебе, пожалуй, не обязательно... А вот это нужно. – Он вытащил из-под железной рухляди кожаную перевязь с большой пряжкой и медными клепками по краям. Надел мне через плечо, ловко подогнал пряжку. Потом в кольцо на ремне сунул рапиру. Ее рукоять закачалась у моего бедра.

– Вот и все, – сказал Валерка.

Я увидел себя как бы со стороны: обыкновенный пацан – и с мушкетерским оружием на боку.

– А ничего, что я... такой? Не будут на меня обращать внимание?

– Ты такой, как надо, – откликнулся Валерка. – Слушай... Ты не передумал?

– Что?

– Идти со мной?

– Ну что ты говоришь! – упрекнул я.

Он взял меня за руку.

6

Я понимал, что могу оказаться в совсем незнакомом месте: может быть, удивительном и сказочном. И только про одно я знал точно: сейчас на улице день, светит солнце, и мы выйдем под это солнце из какого-нибудь подвала или погреба. Ведь спортзал и коридор были на первом этаже, а пол в башне – еще ниже.

Валерка уперся в тяжелую дверь ладонями. Навстречу нам хлынул теплый запах незнакомых трав и лунный свет.

Я замер на секунду и засмеялся. Мы оказались на железном балконе – он опоясывал башню высоко над землей. Вернее, над травой. Свет луны был ослепительно яркий, и в его лучах до самого горизонта колыхалась под мягким ветром, катила пологие волны серебристо-голубая трава. Я вцепился в ржавые перила. Вот она, Валеркина страна! Его мир, его планета.

А может быть, это и правда, другая планета?

Ночь была похожа на день, если смотришь сквозь голубое стекло. Я взглянул на луну. Наша ли это луна с привычным, почти человеческим “лицом”? Но хотя чистым было небо, яркий диск оказался слегка размытым, словно окутанным светящимся туманом. Я не различил на нем знакомых пятен.

Тогда я стал смотреть на землю. У самого ее края стояла белая крепость. Она казалась крошечной, но видна была до последнего зубчика на стенах. Словно кто-то собрал в горсть игрушечные башни, крыши, бастионы и аккуратно положил их на краю большого круглого стола.

– Там наш Город, – тихо сказал Валерка.

– А здесь?

– Здесь? Просто башня, сторожевая. Теперь она не нужна.

Башня была одинокая, полуразбитая. Она стояла как бы в центре выпуклого круга, по которому неторопливо бежали мерцающие волны. И ее черная тень колыхалась на этих волнах.

А ветер был очень теплый.

Валерка тронул меня за плечо:

– Пошли?

По шаткой железной лестнице мы сбежали в траву и двинулись к Городу.

Трава была высокая, по пояс нам, а кое-где и по плечи. Ее листья походили на листья осоки, но были пошире, и не режущие, а очень мягкие, покрытые шелковистыми волосками. Эти серебристые волоски и блестели под луной. Идти нам трава не мешала. Мы без труда подминали и раздвигали ее, и она с бесшумным колыханием опять вставала за нами.

Шагать было легко. Может быть, я еще не привык, что стал мальчишкой, и тело мое весит совсем немного. А может быть, Валеркина планета была меньше, чем Земля, и сила тяжести здесь оказалась слабее. Возможно, что и так. По крайней мере, мне казалось, что иду я не по ровному полю, а по громадному шару, который поворачивается мне навстречу.

Шар поворачивался, и светлая крепость вырастала на глазах. Острые башни, черные флюгера, неровные зубчатые стены...

Крепость была совсем не похожа на ту, что в Северо-Подольске. Я сразу это заметил, но не удивился.

...Я пытаюсь поточнее вспомнить, что думал и чувствовал тогда. Ну, конечно, радость, что мой друг Валерка опять рядом. Еще интерес: какие события ждут впереди? И еще... трудно передать словами... Запах сказки, что ли? Но не обычной сказки, а моей. Той, которую я открыл и полюбил. Сказки, где самое главное – не приключения, а два человека: Валерка и Братик.

Но... Вот в этом “но” все дело. Не было в этих чувствах той остроты и беспокойства, как в первый раз. Там, в Северо-Подольске, Сказка захватывала меня, и я жил в ней как наяву, все переживал по-настоящему: и радость, и страх, и тоску, когда друзья уходили... А в этот раз я понимал, что вижу сон. Порой забывал об этом, но не до конца.

Я был уверен, что ничего плохого не случится. Вторая Сказка как положено раскручивает свои пружины, и всему придет свой черед. Когда нужно, я встречу опасность и сделаю, что полагается. И потому даже Валеркины слова, будто Братику что-то грозит, не вызвали у меня тревоги. Я только обрадовался, что увижу его...

Но это я сейчас копаюсь в себе, и все раскладываю по полочкам. А тогда... Что же, тогда я шел рядом с Валеркой, радостный и спокойный. И даже мысль, что придет время, и мы расстанемся опять, не грызла меня. Встретились во второй раз – встретимся и в третий. К тому же сказка только начиналась.

7

Мы подошли довольно близко к стенам. Я спросил:

– А почему не видно часовых? Разве Город не охраняют?

– От кого? – сказал Валерка. – Снаружи никто не ждет опасности. Она в самом Городе.

– А всадники Данаты? – нерешительно спросил я. – Они больше не нападают?

Валерка быстро взглянул на меня и грустно усмехнулся:

– Всадники Данаты... Под курганами давно и храбрый Даната, и все его воины. И кони...

Я удивленно молчал. Валерка смущенно сказал:

– Я забыл объяснить... Думаешь, когда мы улетели, мы вернулись к себе, в наше прежнее время? Если бы... Даната и все, что было тогда, сейчас уже легенда. Триста лет прошло или больше...

– Но... как же? – озадаченно заговорил я. – Вы вернулись... И как вас встретили? Вы сказали, кто вы такие? Вам поверили? Удивились?

– Удивились... Но поверили. Понимаешь, у нас другой мир... Вы придумали порох, машины, ракеты, а у нас не то. У нас ученые разгадывают тайны: как далекое сделать близким и дотянуться рукой до звезд; что такое мысль; в чем хитрость времени...

Я подумал, что и у нас люди бьются над такими загадками, но промолчал. Валерка продолжал:

– Не могу я объяснить... Но говорят, что время – это вроде струн, которые звучат то вместе, то вразнобой. А иногда – как бусы, которые могут рассыпаться. Или как запутанная петля – бежит то вперед, то обратно, только мы не замечаем. Петлю, говорят, можно рассечь и пробиться через сотни лет... У нас еще в старину случались разные загадки.

– Какие?

Валерка улыбнулся:

– Всякие... Была даже такая поговорка... На старом языке это всего пять слов, но ты не разберешь. А смысл такой: “Когда конь несет тебя все вперед, не думай, что не наткнешься на его следы; когда ложишься спать, не будь уверен, что проснешься завтра, а не вчера”...

Что ж, Валеркин мир и в самом деле был другим, я это видел. Пока мы говорили, крепость словно сама по себе приблизилась вплотную и нависла над нами.

К стене боком прижималась крутая лестница, сложенная из светлых кирпичей: просто ступенчатый выступ, который тянулся от земли до верха. Очень узкий. Валерка двинулся вперед, я, чиркая локтем о стену, стал подниматься за ним. Конец моей рапиры цеплялся за камни, и клинок тонко звенел.

Мы поднялись на гребень и снова пошли рядом, мимо высоких зубцов.

– Значит, как же... – нерешительно сказал я. – Вы вернулись... и опять оказались одни, среди незнакомых людей?

Он кивнул:

– Да... Но это наша земля. И встретили нас хорошо... Правда, скоро всем стало не до нас.

– И вы живете вдвоем?

Валерка улыбнулся, хорошо так, – видимо, подумал о маленьком брате.

– Да, живем... Только мы давно уже не виделись. Два дня...

– А где сейчас Братик? – нетерпеливо спросил я. Впервые назвал я так вслух Валеркиного братишку. Но Валерка ни капельки не удивился. Он сказал:

– У барабанщиков.

Скоро я увидел круглый люк. В полной темноте, по лесенке, выложенной в толще крепостной стены, мы осторожно пошли вниз. Заскрипели петли: это Валерка отодвинул тяжелую дверь. Опять хлынул навстречу лунный свет, и мы оказались на маленькой выпуклой площади.

Площадь окружали светлые дома с каменными узорами на карнизах дверей и окон, с крутыми чешуйчатыми крышами. Почти все здания были связаны между собой: внизу – галереями с полукруглыми арками, вверху, у крыш, – висячими мостиками. Я мельком подумал, что, наверно, весь город можно обойти, не ступая на землю. Даже между тонкими легкими башенками чернело кружево мостиков. Было удивительно тихо. В степи хоть трава шелестела, а здесь – ни звука. Я слышал только, как рядом дышит Валерка.

– Надо идти, – шепотом сказал он.

Мы двинулись через площадь, прошли мимо разрушенного фонтана с каменными рыбами, и в это время сзади послышался частый топот и смех. Нас догоняли трое ребят.

Мальчишки как мальчишки, чуть помладше нас. И одеты совсем обыкновенно – словно прибежали на эту лунную площадь с улицы, где живем мы с Володькой. Они тащили на веревке фигуру оленя, сделанную из коряги и палок. Вернее, тащил один, а двое других пуляли в оленя из игрушечных самострелов. Олень смешно подпрыгивал на тонких деревянных ногах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.